

МЕДИЧИ И ИХ ДРУЗЬЯ: ИЗГНАНИЕ ИЗ ФЛОРЕНЦИИ. 1433–1434 гг.

Рассматриваются обстоятельства изгнания Козимо Медичи (1389–1464) и его семьи из Флоренции, а также анализируется такая важная социальная связь, как дружба (*amicizia*), скреплявшая членов партии Медичи, поскольку во многом именно сила и многочисленность внутренних и иностранных друзей Медичи подготовили их возвращение из ссылки и последующее господство во Флоренции.

Козимо Медичи, явившись 7 сентября 1433 г. по вызову флорентийского правительства, чтобы принять участие в совещании, был заключен в башне, в которой провел около месяца. Это стало началом антимедичейского переворота, закончившегося изгнанием из Флоренции семейства Медичи, влияние которого возросло настолько, что правящая группировка (*reggimento*) во главе с Ринальдо Альбицци начала ощущать реальную угрозу собственной власти. Медичи и их самые видные сторонники были изгнаны как «нарушители спокойствия граждан нашего города, разрушители государства, и сеятели раздоров» [5. С. 73]. Все члены семьи Медичи, за исключением потомков линии Вьери, были лишены права занимать должности в республике на 10 лет. Аверардо (брат Джованни ди Бичи, который фактически был главой партии Медичи до 1433 г.) сослали в Неаполь, Козимо – в Падуя, его брата Лоренцо – в Венецию, Джулиано д'Аверардо – в Рим, Орландо ди Гуччо – в Анкону, Бернардо и Джорджо д'Аламано (внуки Сальвестро Медичи) – в Римини, Ванни д'Андреа – в Фано.

Помимо удаления глав партии из города, в котором они стали столь могущественны, целью победителей стало сокращение финансовой основы их могущества. С них потребовали просто непомерных гарантий, особенно по сравнению с общепринятой для таких случаев практикой. Сравним их с «залоговыми суммами» лидеров партии Альбицци, изгнанных год спустя. С самого Ринальдо Альбицци взяли гарантий на 4000 золотых флоринов, с Джованни Джанфиглиацци и Палла Строцци – всего по 1000, а максимально с Ридольфо Перуцци – 10000 золотых флоринов. Для сравнения: с Козимо потребовали 20000 флоринов, с Аверардо и Лоренцо – по 10000, с Джулиано – 5000. Собственность ссыльных и их кредиты в Монте коммун конфисковали, чтобы покрыть эти поручительства, что должно было не только разорить Медичи, но и принести прибыль победителям [5. С. 91–95]. Как пишет Козимо в своих Записках, целью врагов было «обанкротить нас», но план этот оказался неудачным, «потому что мы не потеряли кредит, многие иностранные купцы и правители открыли нам его, и в Венецию была отправлена большая сумма денег» [3. С. 470; 9. С. 174].

Теперь победившему правительству было необходимо укрепить свои позиции внутри Флоренции. 8 декабря была запрещена процедура *rimbotto*, заключавшаяся во внесении дополнительных имен в сумки для голосования: метод, с помощью которого многие сторонники Медичи ранее попадали на ключевые должности. Были сделаны уступки магнатам, которым было дано право занимать некоторые магистраты. Все, кто сотрудничал с правительством осенью 1433 г., были

вознаграждены: получили выгодную должность или еще что-либо. Среди поощренных режимом были члены семей Велутти, Манелли, Джанфиглиацци, Альдобрандини, Строцци, дал'Антелла, Серальи и Бранкаччи. Были предприняты и другие меры, чтобы сохранить *status quo* [10. С. 2].

В 1433 г. провели новые выборы, результат которых должен был действовать до 1440 г. Этот шаг был серьезным нарушением конституции, поскольку по закону предыдущие предварительные выборы были действительны до 1436 г. [10. С. 5]. Удивительно то, что победители не произвели чистку сумок, содержащих жребии будущих должностных лиц, от фамилий тех, кто был враждебен аристократической фракции. Кроме отсутствия имен Медичи, результаты предварительных выборов 1433 г. не отличались существенно от предыдущих. Но самой большой ошибкой аристократической группировки было то, что они решили не уничтожить старые сумки, а объединить их с данными новых выборов [10. С. 5–7]. Это решение удивило многих современников, не только историков Джованни Кавальканти и Бенедетто Деи, которые в своих трудах говорили о глупости лидеров аристократической группы, потому что «они положили имена своих врагов в сумки и позволили им там остаться, и в результате синьории, избранные на основе этих сумок, не сильно отличались от тех, что были раньше» [3. С. 297].

Трудно объяснить, почему победители не воспользовались прекрасной возможностью обезопасить свой режим, тем более что подобные прецеденты имелись. Подобные действия были предприняты в 1382 г., чтобы укрепить положение олигархии после восстания чомпи, и в 1393 г., когда Мазо дельи Альбицци и его сторонники лишили политических прав семью Альберти. [10. С. 6]. Можно предположить, что Ринальдо и его друзья просто недооценили силу тех связей, которыми была скреплена партия Медичи, и переоценили степень своей популярности среди граждан, имевших доступ к власти. Видимо, они ожидали того, что нейтральные члены правительства присоединятся к победившей стороне. Наверное, они надеялись, что, удалив лидеров партии из Флоренции, они разрушат саму эту партию, а её младшие сторонники и симпатизирующие ей лица перейдут на их сторону. Но они недооценили силу партии Медичи, которая отличалась от традиционных флорентийских кланово-патронажных группировок, формировавшихся веками, большим удельным весом «друзей», связанных с Медичи преимущественно не родственными, а патронажными, деловыми, соседскими и иными отношениями, старательно культивировавшимися главами семьи [8. С. 119–135]. Сила этих связей во многом определялась финансовым могущест-

вом и щедростью Медичи, в чём во Флоренции 1430-х гг. вряд ли кто мог их превзойти.

К началу 1430-х гг. члены медичейской партии приобрели такие позиции во флорентийской системе выборов, что по численности успешных кандидатов могли соперничать с правящей группой, имели большое влияние в самом городе и за его стенами. Они были сильны, последовательны, амбициозны и даже лишённые лидеров начали организовывать их возвращение и собственную победу. Своим возвращением Медичи обязаны во многом активности своих друзей. Одни из них оказали помощь Медичи при ссылке, другие поддерживали с ними связь, несмотря на запрет, сохраняли их собственность и помогали семьям, оставшимся во Флоренции.

Вот лишь некоторые примеры активности друзей Медичи. Когда Козимо собрался идти во Дворец синьории, где был взят под стражу, Пьеро Гвиччардини предупреждал его, что не следует идти в руки к своим врагам [3. С. 270–271]. Узнав об аресте, Джованни Кафареччи, воспитатель сыновей Козимо, живший в их доме, немедленно предупредил Лоренцо, брата Козимо, который находился в то время в Муджелло и Аверардо, его дядю, который был в Пизе, и помог им бежать [6. С. 157]. Ему, наверное, Медичи обязаны сохранением жизни Козимо, как и сохранением партии, потому что, как пишет Козимо, «если бы они захватили Аверардо и Лоренцо, то причинили бы нам огромный вред» [9. С. 171]. Потом он стал собирать народ в контадо, подстрекая его к восстанию, за что был судим Капитаном народа [4. С. 37; 6. С. 159].

Друзья поспешили сообщить о происходящем Никколо да Толентино, Капитану коммуны, которого Козимо описывает как своего самого большого друга [9. С. 171]. В ходе войны с Луккой некоторые члены семьи Медичи, а в особенности Аверардо, находились в тесном контакте с ним и могли рассчитывать на силовое восстановление Медичи с его помощью. Он пришёл «со всем своим войском» в Ластру, как пишет Козимо, и напуганное флорентийское правительство приказало ему срочно отойти в Пизу. Такая явная демонстрация силы со стороны Медичи могла быть и успешной. Плюс к солдатам Толентино в распоряжении оставшихся на свободе глав партии Медичи было еще «большое количество пехоты» [9. С. 171]. Вооруженные люди сами приходили к Лоренцо и предлагали свою помощь сразу, как только новость о его захвате распространилась в горах Романьи; многие были из Муджелло, фамильного владения Медичи.

Но, как с огорчением замечает лидер партии Медичи, «Капитану и Лоренцо посоветовали не поднимать восстание, потому что это могло навредить мне лично, как они полагали. И хотя те, кто дали этот совет, были родственники и друзья и действовали с добрыми намерениями, это не было хорошим советом, потому что если бы они устремились вперед, я был бы на свободе, а те, кто были причиной моих бедствий, были бы уничтожены» [9. С. 171–172]. Это крайне откровенное высказывание Козимо, сохранившееся благодаря копии его личных записок, снятой Луиджи Гвиччардини, показывает, насколько далеко в тот момент готов был зайти будущий Отец отечества, считавшийся образцом законопослушного гражданина.

Осуждение Козимо робости своих соратников выглядит немного неблагодарным в свете той глубокой эмоциональной заботы, которую последние о нем проявляли. Неделью спустя после захвата Козимо Бернардо ди Антонио Медичи писал Аверардо: «В настоящий момент мое единственное желание в том, чтобы он избежал вреда, а мое самое большое горе – видеть его в такой опасности – более безутешное, чем я когда-либо переживал или мог себе представить» [1. С. 160. 12 сентября 1433 г.]. В последний день сентября Липаччо ди Барди писал сыну Козимо Пьеро, который уже нашел убежище в Венеции: «Нет ничего более, что я могу сказать о моем горе и скорби, которое я чувствовал и чувствую по поводу того, что случилось... нам ничего не остается делать, кроме как молиться, что Бог поможет тем, кто положит конец столь большой несправедливости». В тот же день он сообщает: «Я слышал от Филиппо Гваданы, что вечером в 6 часов Козимо был отпущен из Дворца, чтобы ехать в Падую, я не могу выразить, как мне полегчало» [1. XVI. 346. 31 сентября 1433 г.].

Когда Козимо при посредничестве своих друзей и золотых флоринов был выпущен из темницы, чтобы проследовать в ссылку, стало ясно, что неприменение силы в ответ на силу было правильным решением. Как он написал далее в своих Записках, «это оказалось к лучшему, потому что привело к большому благу, и моя репутация от этого сильно укрепилась» [9. С. 172].

Сразу после того, как новость о пленении Козимо распространилась, иностранные друзья Медичи начали действия в его защиту, что показало и степень влияния Медичи за пределами Флоренции. Благодаря их банковской деятельности и участию в управлении государством на высшем уровне Медичи установили дружеские отношения со многими государственными деятелями по всему полуострову, и даже за пределами Альп. Также им удалось завоевать расположение многих городов на флорентийской территории. Например, Козимо заслужил расположение жителей Сан-Джиминьяно и Пистойи, когда занимал там должности. Влияние Медичи было велико в папском государстве и в Романье, на территориях к северу и востоку от фамильных владений Медичи. В течение десятилетия до ссылки Аверардо часто назначали комиссионером в Муджелло, Марради, Фаэнцу и Феррару. Коммуны по дороге от Флоренции в Болонью – Имола, Фаенца – засвидетельствовали свое почтение Медичи, прислав подарки к свадьбе Франческо ди Джулиано Медичи, которая имела место за 2 месяца до ареста Козимо [8. С. 303]. Медичи состояли в переписке со многими синьорами этой территории: Лудовико Алидози, членами семьи Манфреды, лордами Имолы, Фаенцы, Перуджи, которым оказывали услуги патронажного свойства. Будучи в Венеции, Козимо случалось удружить семье Малатеста из Римини и Бентивольо из Болоньи, выступая посредником в переговорах с венецианским дожем, с которым Козимо тоже был в дружеских отношениях. Не только Козимо и его сыновья, но и Аверардо и его сын Джулиано заботились о делах иностранных «друзей», о чем свидетельствует их обширная переписка.

Козимо вспоминал с некоторым удовлетворением детали своей поездки в Венецию, которая более походи-

ла на триумфальное шествие, чем на вынужденное изгнание. Его встречали торжественно, как посла, люди с гор с почетом сопровождали его в Феррару, чей синьор выразил ему сочувствие и сказал, что «Флоренция катится под уклон», и выражения симпатии сопровождали его на всем пути в Венецию.

В Венеции находились, наверное, самые могущественные друзья Медичи, которые оказали им самую сильную поддержку за время ссылки в личной и государственной сфере. Первое венецианское отделение банка Медичи было основано Джованни ди Биччи и Бенедетто ди Липаччо Барди в 1398 г., партнерами там были Джованни Портинари и Антонио Мартелли и Паоло Джаскони, Франческо д'Антонио Медичи [4. С. 240–243]. За несколько месяцев до ссылки Козимо и Лоренцо перевели туда большую часть средств из флорентийского отделения. Когда Лоренцо был сослан в Венецию, а Козимо в близлежащую Падую, они могли чувствовать себя там как дома и заниматься делами, пользуясь существенными денежными суммами и кредитом, открытым им «многими иностранными правителями и купцами» [9. С. 174].

Лоренцо и младшие члены семьи, включая сыновей Козимо и внука Аверардо Франческо, были приняты в Венеции по-королевски. Как с гордостью писал последний отцу Джулиано, сосланному в Рим, Лоренцо «приняли во Дворце с необычайной пышностью, каждый сожалел о горе, постигшем их с Аверардо. Я был с Лоренцо, он долго разговаривал с Дожем, и когда тот услышал об освобождении Козимо, то выразил величайшую радость» [1. V. 703. 14 ноября 1433 г.]. Не только Дожд предлагал свою поддержку и показывал расположение, но его близкий родственник Ромео Фоскари, говоривший о тесной взаимосвязи между богатством и политической властью, которую почувствовали флорентийские граждане и поэтому изгнали Медичи. Это мнение разделялось многими венецианцами и даже германским императором, который, услышав об изгнании Козимо от венецианских послов, якобы сказал: «Флорентийцы изгоняют из города тех медиков (Medici), в которых имеют великую нужду» [1. V. 703]. Нет сомнений, многие флорентийцы были раздосадованы такими замечаниями, но Венеция традиционно была наиболее ценным союзником Флоренции, с которым жизненно необходимо было поддерживать хорошие отношения, что было важным аспектом внешней политики флорентийского правительства и мощным политическим оружием в руках Медичи.

Их венецианские друзья вскоре перешли от слов к делу. Венеция направила во Флоренцию видного посланника, Якопо Донадо, личного друга Медичи, который предоставил в распоряжение Козимо свою роскошную виллу под Падуей. Его официальная попытка склонить флорентийское правительство в пользу Медичи не увенчалась успехом. Это грозило похолоданием в отношениях с Венецией, и иронический намек флорентийцев на то, что не пристало Светлейшей республике вмешиваться во внутренние дела Флоренции, был все же примирительным. Посовещавшись, флорентийцы решили не давать пока определенного ответа и заверить Донадо, что дело Козимо требует участия в принятии решения многих, но они попытаются сделать

все возможное [8. С. 307]. В конце концов было решено расширить границы ссылки Козимо до пределов самой Венеции и даровать почетное флорентийское гражданство Якопо Донадо [3. С. 291].

Тем временем Козимо, Лоренцо и младшие Медичи с комфортом жили на берегах Адриатики, ведя более роскошный образ жизни, чем во Флоренции, и наслаждаясь почетом, который отняла у них родина. Соответственно, и Медичи выражали свою благодарность: записи дискуссий венецианского сената за январь 1434 г. включают переписку между Дожем и папой, содержащую сведения о флорентийской дипломатии, которые Козимо узнавал из писем своих друзей и передавал венецианскому правительству. Эта информация была ценна тем, что венецианцы не доверяли внешней политике режима Ринальдо. Обнаружилось, что месяцем раньше кондотьер Никколо Пиччинино гостил в доме Ринальдо Альбицци, что укрепило их подозрения. Согласно признаниям Никколо Барбадоро, полученным уже после возвращения Медичи во Флоренцию, Ринальдо Альбицци и Палла Строцци вели секретные переговоры с Пиччинино о военной помощи в борьбе против сторонников Медичи в обмен на разрыв отношений с Венецией и папством [2. С. 137–138; 8. С. 308]. Козимо, видимо, расценивал раскрытие такой информации как действия против режима Ринальдо и его друзей, а не против флорентийского государства.

Что касается внутренних дел Флоренции, то Медичи придерживались линии абсолютно законопослушного поведения. После своего сожаления в Записках о том, что друзья не напали на правительство, Козимо, видимо, переоценил ситуацию и увидел, что внефлорентийские силы на его стороне. Как сообщает в письме Франческо, когда в середине ноября послы из Падуи публично выразили соболезнования по поводу его изгнания, Козимо уклонился от приглашения пожаловаться и обвинить флорентийских граждан, а ответил, «что он не имеет врагов и никому не желает зла, что он и его сторонники всегда защищали интересы своего родного города всеми возможными средствами и... что он с радостью останется не только в Падуе, но на краю земли до своей смерти» [1. V. 704]. Так же примерно отвечал и Лоренцо, когда император пригласил его в Феррару.

Подчеркнутое выражение решения оставаться в конституционных рамках – реакция Козимо на скандал, связанный с именем его родственника Мари ди Медичи, одного из младших членов линии Таленто. Он и его отец работали в банке Медичи и были тесно связаны с основной линией семьи [4. С. 385; 7. С. 20–21]. В январе 1434 г. Мари был арестован венецианскими властями по обвинению в заговоре с Никколо Пиччинино, который в то время был на службе у герцога миланского, и отправлен во Флоренцию для вынесения приговора [6. С. 160–161]. Козимо подозревал, что этот инцидент связан с визитом Пиччинино к Ринальдо и что Мари был просто использован его врагами как орудие против него. Если это было так, то Мари даже не был участником интриги. Козимо хорошо понимал, что в сложившейся политической обстановке насильственное возвращение в город с помощью оружия самых больших врагов Флоренции будет грубейшей тактиче-

ской ошибкой, особенно с учетом той поддержки, которой пользовались Медичи вне Флоренции, и силы сторонников их дома. Возвращения можно было добиться и законными мерами. Он просто предотвратил ошибку, отрекшись от поступка своего родственника.

Согласно письму Джулиано к Франческо именно Козимо донес властям Венеции о «заговоре» Мари: «...Мари ди Медичи прибыл из Милана... Он пришел сюда, в дом Козимо, и рассказал, как он встречался с главными советниками Герцога, назвал Никколо Пиччинино и многих других, и сообщил, что он договорился с ними о том, что Козимо должен вернуться домой с помощью Герцога... и много других вещей, которые кажутся очень пагубными для Лиги и этой великолепной Синьории... Козимо ответил, что никогда не должно говорить, что эта интрига организована при его участии, и что он не желает возвращаться во Флоренцию иными методами, чем он ее покинул. И он немедленно дал знать обо всем здешней Синьории... Синьория обо всем написала нашим Приорам, и то же самое сделал Козимо» [1. V. 690]. Козимо увидел в этом деле попытку своих врагов одним ударом полностью уничтожить его и поссорить с синьорией [1. V. 690]. В ответ Козимо незамедлительно получил письмо от флорентийских приоров, в котором они благодарили его за предупреждение и хвалили за безупречное поведение [5. С. 87]. Что ж, можно удивляться расчетливости руководителя партии, который принял решение не быть связанным с заговорами и незаконными действиями и воплощал его столь последовательно, что выдал властям своего родственника.

Однако эта жертва не принесла потепления в отношении к Медичи и их сторонникам, на что мог бы надеяться Козимо. В ноябре, с вступлением в должность новых приоров, началась следующая волна гонений, и еще несколько друзей Медичи были сосланы: Кафа-

реччи, Сер Чайо и, что более важно, братья Пуччи, которые действовали как главные заместители Медичи в управлении партией. Эта же ноябрьская синьория отказала Аверардо в просьбе продлить время следования в ссылку. То, что Аверардо не укладывался в сроки, Козимо расценивал как угрозу легальной неуязвимости всей семьи [1. V. 706. 19 декабря 1434]. Аверардо, судя по всему, не смог проследовать к месту ссылки в Неаполь по причине серьезной болезни и из-за трудности столь дальнего пути для пожилого человека. Но Аверардо все же отправился в путь, и самые мрачные его прогнозы оправдались – его скосила лихорадка в Ферраре. 28 ноября он был объявлен мятежником и его собственность была конфискована государством. Он умер спустя несколько недель после радостной вести о возвращении Медичи. Для Аверардо и его потомков это была первая из личных трагедий, которые привели к угасанию всей ветви, лишив ее наград от триумфа партии, для которой они сделали столь много, и обрекли их на историческое забвение [7. С. 62–63].

В организации возвращения семьи и получении информации Медичи в огромной степени зависели от своих друзей как внутри, так и вне стен Флоренции, от их действий, советов и информации. Поддерживать связь со ссыльными было запрещено, но поток писем, уверений в лояльности, сообщений о ходе дел во Флоренции не прерывался, и это вселяло надежды на возвращение. Ссылка глав партии Медичи не разрушила обширную патронажную сеть, созданную членами этой семьи за последние 20–30 лет целенаправленной деятельности в этом направлении. Не прошло и года после ссылки, как Медичи вернулись во Флоренцию, призванные своими друзьями и сторонниками, ряды которых оказались более сплоченными, чем ряды партии их противников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Archivio di Stato*, Firenze. Medici avanti il Principato.
2. Bayley C. War and Society in Renaissance Florence. The «De militia» of Leonardo Bruni. Toronto, 1961.
3. *Cavalcanti G.* I storie fiorentine / Ed. G. di Pino. Milano, 1944.
4. *De Roover R.* The rise and decline of the Medici Bank, 1397–1494. Cambridge, 1963.
5. *Fabroni A.* Magni Cosmi Medicei vita. Pisa, 1789. Vol. 2.
6. *Gelli A.* L'esilio di Cosimo de' Medici // *Archivio Storico Italiano*. 1882. Ser. IV, vol. 10. P. 53–96, 149–169.
7. *Kent D.* I Medici in esilio: una vittoria della famiglia e una disfatta personale // *Archivio Storico Italiano*. 1974. Vol. 82. P. 3–63.
8. *Kent D.* The Rise of the Medici: Faction in Florence, 1426–1434. Oxford, 1978.
9. *Medici, Cosimo de.* Copia del Parlamento dell'anno 1433 e 34 levato da un libro di proprio mano di Cosimo de' Medici, dove scriveva i suoi ricordi d'importanza // *Deliciae eruditorum toscanorum*. Firenze, 1742. P. 169–183.
10. *Rubinstein N.* The government of Florence under the Medici: 1434 to 1494. Oxford, 1966.

Статья представлена кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 14 ноября 2005 г., принята к печати 16 января 2006 г.